

ГНЕУШЕВ —

Классицисты полагали, что авангард, утративший гармонию, перестает быть искусством. Нельзя не согласиться, что в некоторых случаях это именно так, но бывают и счастливые исключения. По собственному признанию режиссера, о котором пойдет речь, он всегда был «против традиции», но двигался не по пути отрицания гармонии, а, напротив, возводил ее в основу основ любого жанра.

Спектакли Валентина Гнеушева всегда изумительно красивы, зрители с первых же минут попадают в сказочную полуреальность, изысканную во всем, начиная с сюжета и заканчивая цветовой гаммой. Выступая перед началом спектакля «Элитарный балаган», собравшего в Театре имени Моссовета на самом деле элитарную публику, Махмуд Эсамбаев назвал представления Гнеушева «вечным праздником счастья, радости и света». С этим согласны и в цирке на Цветном бульваре, где режиссер руководит экспериментальной мастерской, цель которой — раскрыть возможности артистов, трансформировать их иногда упрощенный образ в нечто большее, придать качественно новую ценность каждому этюду. У Гнеушева не бывает заученных номеров и банальных шоу-приемов, любое появление артиста на сцене напоминает ювелирное изделие, оно так же ослепительно и так же тщательно продумано. Все пронизано идеей, что каждый человек сам по себе — шедевр, созданный природой, а талант режиссера заключается в искусной подаче, обработке материала.

— Почему вы выбрали именно это режиссерское направление?

— Все происходило постепенно. Вообще, быть «против традиции» — всегда сложно. В первые годы, когда сил еще мало, было действительно тяжело заниматься новаторским искусством, отказываясь от академического рисунка, погружаясь в свои мысли, ощущения. Сейчас я понял, что его необходимо развивать, ведь существуют такие примеры отказа от академизма, как Пикассо, Эйзенштейн, Кандинский — не имея титановского карандаша, он совершал свои открытия. Я пришел в фантастическую реальность цирка, единственного искусства, где нет фальсификаций. Цирк актуален. Современный человек, пользующийся компьютером, получающий огромный объем информации, должен быть околдован, поражен происходящим. В цирке приходят дети, пожилые люди, поэтому он должен быть совершенно «чистым продуктом», мы контролируем безупречность этого

«детского питания». То, что наша программа называется «Элитарный балаган», — шутка, это просто «балаган», но как бы через новую оптику, новое мироощущение.

— Где та грань, на которой заканчивается цирк и начинается театр?

— Все, что хорошо в цирке, называется театром, и все, что хорошо в театре, называется цирком. Одновременно, то, что плохо в цирке, ошибочно называют театром — часто можно услышать, когда что-то не получается: «Ну что ты мне тут театр разыгрываешь!» и наоборот. Так и вводят друг друга в заблуждение.

— А правильно ли было бы назвать ваши спектакли эстетством, «искусством ради искусства»?

— «Искусство ради искусства» — это то, что непонятно, а то, что доставляет удовольствие — уже искусство «для вас». Цирк создан для отдыха,

развлечений. И потом, искусство не разрешает проблем, оно их ставит. Зритель приходит в цирк, чтобы увидеть себя в лучших проявлениях: человек может еще и вот так, а еще — умеет быть смешным. Театр репертуарен, актер сегодня играет короля Лира, а завтра — Ричарда III. В цирке он создает свой единый образ и несет его через все программы, делая свой номер, он как бы погружается в него целиком, не переключаясь ни на что другое.

— Многие актеры, участвующие в вашем спектакле, лауреаты конкурса «Цирк завтрашнего дня». А как вы себе представляете искусство XXI столетия?

— Скажу честно, я человек нескромный. Приезжаю в Париж, в Монте-Карло и не вижу там цирка будущего. А то, что я привожу, — цирк будущего. Если говорить о направлениях, то я бы назвал Врубеля, Кан-

динского — в изобразительном искусстве, Гессе — в литературе, Вагнера — в музыке, именно их нужно проецировать на современность.

— А что останется в этом столетии?

— Поживем — увидим. До конца века — совсем немножко.

— Почему вы привлекли к работе над спектаклем художников Бартенева и Каплевича?

— Бартенев сделал афишу для «Элитарного балагана», помоему удачно, я ему доверяю. С Каплевичем мы пытаемся что-то делать, пока как бы присматриваемся друг к другу, ищем формы общения. Может, что-нибудь и получится.

— Автором текстов к спектаклю и ведущей была Рената Литвинова.

— Люблю очень, люблю. Она — один из моих самых любимых авторов, близка мне по стилю.

— Как бы вы сами опреде-

лили свой режиссерский стиль? — Французский критик Изабель Картье сказала: «Существует цирк и существует цирк Валентина в нем». На самом деле, то, что я делаю в цирке и театре, принадлежит только мне, это и есть мой стиль вне зависимости от площадки и времени.

— В «Элитарном балагане» на сцене драматического театра появляется живая лошадь. Такое возможно только в опере. Может, это и есть — цирковая опера?

— Цирк, опера, балет — это искусства высоких философских поэтических обобщений. Балет не так «богат» в средствах выражения, цирк — просто роскошен.

— А что же с драматическим театром?

— А с театром все замечательно. Сейчас я работаю над пьесой Николая Николаевича Евреинова, незаслуженно забытого нашей интеллигенцией. Он выдающийся литератор, философ, художник, драматург. Учил Маяковского, как правильно себя вести, Анненкова — как надо рисовать, а Чуковского — как завязывать бабочку. Ему принадлежит прекрасная книга «Как детей водить в театр». Он был снобом, во время морского путешествия из Европы в Америку позволил приблизиться к себе только одному человеку на корабле — это оказался Рудольф Валентино. В Голливуде писатель преподавал «звездам» немного кино. Пьесу, которую мы репетируем, я пока называть не буду. Артистам, а это пять «звезд» — Рената Литвинова, Илзе Лиепа, Гедиминас Таранда, Игорь Верник, Дмитрий Аберт, — пьеса очень нравится. Хотелось бы перевести талант, огромный багаж и опыт актеров в новое качество — в фейерверк чувств. Спектакль планируем показать в Париже, в других цивилизованных точках земного шара как явление отечественной культуры сегодня, основанное на одаренности каждого из актеров. Надеюсь, что нам будет сопутствовать успех на той площадке, которую мы выберем. Мне не хотелось бы играть в каком-то известном театре — каждый из них имеет свою историю, культуру, и не стоит разрушать уже сложившееся впечатление.

— Вы так спокойно говорите о новом проекте. Вы не суеверны?

— Я, конечно, имею понятие о суеверии, во что-то верю, но борюсь с этим. Рихард Вагнер высказал потрясающую мысль: «Я люблю людей, которые кидают громкие слова, и еще больше люблю их за то, что они их выполняют».

Беседу вела
Нармин ШИРАЛИЕВА.
● Валентин Гнеушев с клоуном Александром Осиповым.

Фото В. Плотинова.